

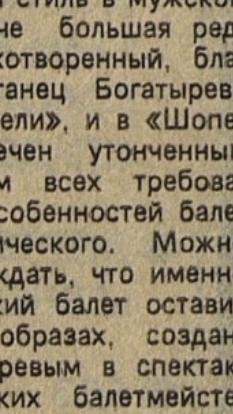
15 ЯНВ 1980

г. МОСКВА

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

«ЧАЙКА»

В ПОЛЕТЕ



Они выпущены Московским хореографическим академическим училищем, работают в Большом театре, оба не раз выходили в число лауреатов на конкурсах всесоюзных и международных, завоевывали «советской команде» золото. Оба заняты в новой постановке Майи Плисецкой на музыку Родиона Щедрина — в балете по мотивам чеховской «Чайки»... Пожалуй, этим сходство исчезает.

ЕЙ ДВАДЦАТЬ два года, вся будущность еще впереди. От того, насколько серьезно станет она трудиться, от того, насколько последовательно и настойчиво разовьет в себе волю к вечному совершенствованию, зависит, превратится ли в звезду Алла Михальченко. Уже сейчас ей поручают балетные партии — в «Тени» ввели с десяти репетиций, в гастролях — в Японии и в Алма-Ате зрители познакомились с ее Китри. Москвичам такое знакомство только предстоит, но сама партия в принципе близка ее данным, ее творческим склонностям. В «Этих чарующих звуках» она танцует все три балета — па-де-де на музыку Торелли, ироничный, забавно стилизованный дуэт из «Прогулок» Рамо и «Симфонию № 40» Моцарта. Если учесть, что первая и третья часть «Чарующих звуков» известны в исполнении Екатерины Максимовой, станет ясным, какие дополнительные волнения сопряжены у молодой балерины с тремя партиями на классическую музыку, где она неизбежно поставлена перед опасностью сопоставления с первой исполнительницей.

И вот ведь что удивительно: всегда кажется, будто Алла абсолютно чужда каких бы то ни было волнений.

В фрагменте «Лебединого озера», в па-де-де Одиллии с Принцем, и запомнилась она впервые столичной публике. То было в дни всесоюзного конкурса.

И хотя в ее девятнадцатилетней Одиллии чувствовалась уверенная привычка побеждать, наибольшее впечатление произвела Алла вместе с Федоровым в сочиненной М. Мартиросяном миниатюре «Юность». С тех пор в ее театральном репертуаре, естественно, появились постановки современных балетмейстеров на темы современные — «Ангара» и «Калина красная». Но образ, созданный Михальченко в «Юности», остается удачнейшим примером совпадения пластики, хореографии, настроения с человеческой и профессиональной индивидуальностью исполнительницы.

По сей день, видя Михальченко на подиумах и вне сцены, вспоминаешь угловатую, чуть резкую и вместе с тем нежную, раскованную и вместе с тем неожиданно застенчивую, лукавую и вместе с тем очень простодушную, динамичную, но склонную к паузам задумчивости героянию — такую улавливаемую, такую современную.

Остро чувствуя пластику современного балета, Михальченко мечтает о Мехмене-Бану. А еще она мечтает о Жизели — но какая балерина не мечтает об этой «роли на все времена»? Но поскольку Алла привыкла задуманное выполнять, как видимо, ждет встречи не только с новой Мехмене-Бану, но и с новой Жизелью.

АЛЬБЕРТ — среди лучших созиданий Александра Богатырева. Сейчас звезда знаменитого танцовщика в зените. Его путь в театре подтверждает и даже превосходит надежды. Его

школьные работы отличались столь незаурядной талантливостью, завершенностью формы и музыкальностью настроения, что первый же приезд в Париж вместе с хореографическим училищем привел к премии имени В. А. Барыкина — награду, обычно присуждаемую лишь профессиональным и притом выдающимся артистам.

В 1974 году во время очередной зарубежной поездки Большого театра известный балетный критик Клемен Крист пишет в своей рецензии на «Лебединое озеро»: «...Единственный источник радости — Александр Богатырев, в чьем

лице мы можем приветствовать нового и многообещающего ведущего танцовщика. Богатырев молод, строен,

красив. Он создает в Зигфрида прекрасных пропорций, в его

характере есть пылкость страсти, в его танце — отдельность и слитность, что

свидетельствует о его привлекательности к лучшим традициям русских первых танцовщиков. Движения легкие, струящиеся, фразированные с музыкальным пониманием и с безуказанными концепциями — ни небрежных

позиций, при приземлении с прыжка, ни нерешительности в расстановке акцентов или в выходе из комбинаций.

Оценки справедливые и дальновидные. Настоящий романтический стиль в мужском танце нынче большая редкость.

Одухотворенный, благородный танец Богатырева и в «Жизели», и в «Шопениане» отмечен утонченным постижением всех требований, всех особенностей балета романтического.

Можно даже утверждать, что именно романтический балет оставил

отзвук и в образах, созданных Богатыревым в спектаклях советских балетмейстеров.

Его Вацлав дышит рыцарственной поэзией, словно вся его недолгая сценическая жизнь — мадригал, станцованый в честь Марии. Он

устремляется в неравный бой с Гиреем, как воин, и гибнет, как Мечтатель, у которого похищают Мечту.

Богатырев всегда устремлен к Мечте, вне которой балет утрачивает свою лирическую природу. Мечтает его романтик Ферхад — растревоженный творческими

замыслами, поглощенный страстью к принцессе, своим

подвигом во имя народа.

Мечтает Икар, словно решая

внутренний спор с самим собой, словно проходя сквозь

искусство выбора между любовью Эолы и неодолимой тягой к небу, к полету.

Мечтает Дезире, еще не

ведая, какие испытания и радости ждут его. И, естественно, мечтает шекспировский Ромео.

Когда-то предполагая

выучить партию в редакции

прежней, Богатырев стал

участником версии новой.

Мечтают его герои. Мечтает и сам Богатырев. О чём?

Например, о партии Солора в «Тенях» — из «Баядерки» Петипа. Танцовщик называет

«Тени» маленькой жемчужиной.

Впрочем, есть в его ре-

пертуаре уже еще одна «ма-

ленькая жемчужина» — Нок-

тюрн на музыку Шопена в по-

становке Джерома Роббиса.

исполненный Богатыревым

вместе с Майей Плисецкой.

Вместе с Майей Плисецкой он появится в «Чайке».

Сейчас самое увлекательное, самое трудное для участников

время — идут постановочные

репетиции. О них говорят но-

вые лауреаты.

Алла Михальченко:

— Для меня эта работа и неожиданна и, конечно, очень

интересна. Во-первых, никогда раньше не думала, что

меня ждет такой прекрасный и тонкий материал, как пьеса гениального Чехова, переложенная на язык музыки,

пластики, танца. Это, как вы

понимаете, нелегко. Там

очень сложная пластика, а танец решается очень современно, остро и на богатейшем

психологическом подтексте. И такой подтекст не

раскроешь, не обладая настоящим актерским мастерством.

Поэтому встречи с Майей Михайловной Плисецкой — хореографом и первой исполнительницей за-

главной роли (роли двойственной, поскольку там надо

перевоплощаться то в символичный, то в поэтический, то в человеческий образ Чайки, то в

реальный образ Нины Заречной) — меня просто захватывают, и общение с Плисецкой

возможность наблюдать ее на

репетициях в процессе сочинения танцев и в процессе

интерпретации роли, ее сове-

ты и обретения роли, становятся

для меня бесценными с точки зрения актерского мастерства.

Александр Богатырев:

— Михальченко репетирует

Барабыкиным. Я готовлю роль

Треплева, и «мое» Чайкой

будет Майя Михайловна. Думаю, что каждому ясно,

насколько интересно сотрудничество с таким большим мастером, теперь единственным

в двух лицах, потому что Майя Михайловна сама ставит спектакль и сама танцует.

Очень трудно выдержать подобное «разведение личности», но репетиции идут

полным ходом, и многие дуэты уже сочинены. Необычны

все сценические задачи — и танец, и мимика, и жест,

как необычна и сама идея балетного воплощения Чехова.

Необычна и интересна для меня музыка Родиона Щедрина — я впервые должен

танцевать в балете, им сочиненном, и очень волнуюсь,

поскольку передача музыкального замысла, стилистики композитора для меня

всегда так же важна, как тщательное и точное следование балетмейстерскому рисунку.

И пусть будут сложности.

Всегда сопряженные с нашей профессией — мне кажется очень увлекательным участвовать

в новом спектакле, который обретает очертания, рождается на твоих глазах, и ты

сознаешь, что в новом произведении есть и твоя, пусть скромная, но тоже необходимая лепта.

Вот эти минуты созидания, эти постановочные репетиции будущей премьеры всегда для меня становятся прекраснейшими мгновениями жизни в искусстве...

Е. ЛУЦКАЯ